

мѣчаніе: „Польской — написанный еще въ началѣ 1814 года и доставленный къ издателямъ отъ друга автора К. Θ. Р—ва“. Вотъ нѣсколько строкъ изъ него:

Сыны Россіи! чада славы!
Которымъ равныхъ въ мірѣ нѣтъ!
О, родъ героевъ величавый!
Красуйся средь своихъ побѣдъ.

Х о р ъ.

А ты, премудрый царь—кѣмъ Россіи
Дѣла великія творять,
Велю полнощные колоссы
Вселенну въ прахъ преобразать и т. п.

Стихотвореніе подписано „Петръ Ракинъ“. Кстати замѣтимъ, что буквальный переводъ Персіевой сатиры: „въ Рубеллію“—явился ранѣе перевода Рыгѣева; онъ сдѣланъ довольно извѣстнымъ поэтомъ начала XIX вѣка Михайломъ Васильевичемъ Милоновымъ, и напечатанъ въ журналѣ: „Благонамѣренный“, откуда вошелъ и въ собраніе стихотвореній Милонова (Сиб., 1819 г. стр. 10—13). Вотъ нѣсколько строкъ этого перевода:

Царя коварный льстець, вельможа напыщенный,
Въ сердечной глубинѣ таящій злобы ядъ,
Не доблестями души, пронырствомъ вознесенный,
Ты мещешь на меня съ презрѣніемъ твой взглядъ! и т. д.

Современники Рыгѣева видѣли въ его подражаніи Рубеллію прямую, грозную и крайне смѣлую сатиру на Аракчеева; впрочемъ злой памяти временщикъ не захотѣлъ себя узнать въ рѣзкомъ портретѣ.

П. А. Вфремовъ.

Первое знакомство Гоголя съ Щепкинымъ.

По поводу послѣдней статьи о Гоголѣ, помѣщенной въ „Русской Старинѣ“, 1872 г. (т. V, стр. 118—128) сынъ знаменитаго артиста, П. М. Щепкинъ передалъ намъ слѣдующее о первомъ посѣщеніи Гоголемъ семьи его отца, Михаила Семеновича:

„Мы знали, что Гоголь, бывший профессоромъ петербургскаго университета и только-что напечатавшій „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, пріѣхалъ въ Москву. Это былъ его первый пріѣздъ сюда. Не помню, какъ-то на обѣдъ къ отцу собралось человекъ двадцать пять — у насъ всегда много собиралось; столъ по обыкновенію накрытъ былъ въ залѣ; дверь въ переднюю, для удобства прислуги, открыта настежь. Въ серединѣ обѣда вошелъ въ переднюю новый гость, совершенно намъ незнакомый. Пока онъ медленно раздѣвался,

всѣ мы, въ томъ числѣ и отецъ, оставались въ недоумѣніи. Гость остановился на порогѣ въ залу и, окинувъ всѣхъ быстрымъ взглядомъ, проговорилъ слова всѣмъ извѣстной малороссійской пѣсни:

Ходить гарбузъ по городу,
 Пытается своего роду:
 Ой, чи живы, чи здоровы
 Все родичи гарбузовы?

Недоумѣніе скоро разъяснилось — нашимъ гостемъ былъ Н. В. Гоголь, узнавшій, что мой отецъ тоже, какъ и онъ, изъ малороссовъ.

Н. В. Бергъ едва-ли вѣрно подмѣтилъ ту черту характера Гоголя, что онъ былъ въ обществѣ молчаливъ и не общителенъ до странности и оживлялся только столкнувшись нечаянно съ кѣмъ-нибудь изъ малороссовъ. Гоголь въ нашемъ кружкѣ — а большинство было русское — былъ всегда самымъ очаровательнымъ собесѣдникомъ: рассказывалъ, острилъ, читалъ свои сочиненія никѣмъ и ничѣмъ не стѣняясь. Нелюдимомъ онъ являлся только на тѣхъ вечерахъ, которые устраивались такъ часто съ Гоголемъ многими изъ его почитателей и почитательницъ....“

Сообщаемъ эту замѣтку въ убѣжденіи, что нѣтъ ни одной мелкой черты, которая была бы лишней въ отношеніи такихъ дѣятелей, какъ Н. В. Гоголь и М. С. Щепкинъ.

12 января. Москва. 1872 г.

В. И. Веселовскій.